

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Сказка Г.Х. Андерсена " Колокольный сторож Оле "

В свете все идет то в гору, то под гору, то под гору, то в гору! Мне уже выше не подняться! – говаривал колокольный сторож Оле. – В гору – под гору, под гору – в гору, это всем приходится испытать! Под конец же все мы, в сущности, становимся колокольными сторожами – посмотрим на жизнь и вещи сверху вниз.

Так говаривал мой приятель Оле, колокольный сторож, веселый, словоохотливый старик. Казалось, у него что на уме, то и на языке, но он много чего таил у себя на душе. Происхождения он был хорошего; поговаривали, что он сын важного чиновника, или мог бы быть им; он получил образование, побывал помощником учителя, потом помощником пономаря, но толку из того не вышло! Оле жил у пономаря на всем готовом, а он был в те времена еще молод и любил–таки щегольнуть, как говорится; ну вот, он и требовал для своих сапог глянец–ваксы, а пономарь отпускал ему только простую смазку, оттого они и не ладили. Один заговорил о скупости, другой о суетности; вакса стала черной причиной их ссоры, и они расстались. Но требования Оле остались те же: он и от всего света требовал глянец–ваксы, а получал всегда только простую смазку; вот он и ушел от людей, сделался отшельником. Но отшельническую келью, да еще с куском хлеба, можно найти в большом городе только на колокольне. Туда–то и забрался Оле и прохаживался по вышке один–одинешенек, покуривая свою трубочку. Глядел он вниз, глядел и вверх, и рассказывал о том, что видел и чего не видел, что прочел в книгах и что в своей душе. Я часто снабжал его книгами, только хорошими: скажи, с кем водишься, и я скажу, кто ты таков! Оле не любил назидательных английских романов, не любил и французских, состряпанных из ветра и изюмных стебельков. Он просил у меня описания жизни людей и чудес природы. Я навещал Оле по крайней мере раз в год, обыкновенно вскоре после Нового года: в это время у приятеля моего всегда находилось о чем поговорить, всегда было в запасе что–нибудь такое, имеющее связь с переменной года.

Расскажу здесь о двух посещениях, стараясь, по возможности, держаться собственных слов Оле.

Посещение первое

В числе книг, данных мною Оле в последний раз, была одна о валунах; она–то особенно и понравилась ему.

– Вот чей юбилей следует отпраздновать – юбилей валунов! – сказал мне Оле. – А мимо них проходят, даже не замечая их. Я сам так делал, гуляя по полю и по берегу, где их лежат сотни. На мостовой же эти остатки седой старины равнодушно попираются ногами! И я делал тоже! Но теперь я смотрю на каждый камень мостовой с глубоким почтением! Спасибо за эту книжку! Она овладела моим вниманием, освободила меня от старых предрассудков и привычек и возбудила желание прочесть побольше таких книг. Роман земли все–таки интереснее всех романов! Жаль только, что нельзя прочесть первых его глав: они написаны на таком языке, которому мы не учились; приходится читать по слоям, кремневым пластам различных земных периодов, а действующие лица, Адам и Ева, появляются только в шестой главе. Некоторым читателям такое появление кажется несколько запоздалым: им подавай живых лиц в самом начале земного романа, ну а мне – все равно. Да, вот роман со сказочным содержанием, и все мы выведены в нем! Мы барахтаемся, копошимся, ползаем и – все ни с места, а шар–то вертится себе да вертится, не выливая на нас океана. Корка, по которой мы ходим, тверда, так что мы не проваливаемся, и вот роман тянется миллионы лет, а продолжение все впереди. Спасибо за книгу о валунах! Вот молодцы! Умей они говорить, они бы рассказали кое о чем! Право, забавно этак, сидя тут, на вышке, превратиться в нуль, вспомнив, что все мы, со всей нашей глянец–ваксой, орденами, движением вперед, – только минутные муравьи на земной куче! Да, чувствуешь себя таким молокососом в сравнении с этими миллионолетними валунами, что просто неловко становится. Я читал книгу как раз под Новый год и так углубился в нее, что позабыл доставить себе обычное удовольствие – поглядеть, как "мчится на Амагер дикая орда". Да, вы–то, пожалуй, об этом и не знаете!

О полете ведьм на шабаш знают все; это бывает в Иванову ночь, и слетаются они на гору Брокен. Но у нас бывает свой, туземный и современный, шабаш на Амагере в ночь под Новый год. Все плохие поэты и поэтессы, музыканты, журналисты и другие никуда не годные артистические величины мчатся в ночь под Новый год по воздуху на Амагер; летят они верхом на кисточках или гусиных перьях – стальные не годятся: слишком тверды, не гнутся. Я, как сказано, смотрю на путешествие дикой орды каждый год и многих из путешественников мог бы назвать вам по именам – не стоит только связываться! Им смерть не хочется, чтобы люди знали об их ежегодном ночном путешествии, верхом на перьях, на Амагер, но у меня есть одна дальняя родственница, торговка рыбой и поставщица бранных слов в три уважаемые газеты как она говорит, – и она раз присутствовала на таком шабаше в качестве гостьи. Ее принесли туда, так как сама она не держит в руках пера и верхом ездить не умеет. Так вот, она–то мне обо всем и рассказала. Половина из ее рассказов – ложь, но и остальной половины довольно. Начался праздник песнями; каждый из гостей написал свою и пел свою – она ведь была лучше всех! Да и не все ли равно? Все пели на один лад! Затем "труженики языка" маршировали небольшими кучками. Тут были и звонари, что звонят по домам, и маленькие барабанщики, что барабанят в семействах. Потом те, кому нужно было, познакомились с писакками, что пускают свои статейки без подписи – чтобы смазка могла сойти за глянец–ваксу! Между ними был палач и его подручный; подручный–то и был самым резким на язык – иначе на него не обратили бы внимания! Был тут и мусорщик, который вываливал из ящика мусор, приговаривая: "Хорошо, очень хорошо, замечательно хорошо!" В самый разгар "веселья" из помойной ямы вырос стебель, дерево, чудовищный цветок, огромный гриб, целая крыша; это была "елка" честного собрания; на ней было навешано все, что они в продолжение старого года дали миру. От нее сыпались искры, словно блуждающие огоньки летали; это были заимствованные мысли и взятые напрокат идеи, которыми участники веселья пользовались; теперь они освободились и взлетели на воздух фейерверком. Началась игра в "жгут горит"; поэтики же играли в "сердце горит", краснобаи сыпали остротами – иначе они не могут, – и остроты гремели, точно разбивались о двери пустые горшки или горшки с золою. Ужасно весело было – по словам моей родственницы! Собственно говоря, она высыпала еще с три короба злых, но остроумных замечаний, но я не стану повторять их: надо быть добрыми людьми, а не критиками. Теперь вы поймете, что я, зная о таком празднике, не упускаю случая ежегодно, в ночь под Новый год, посмотреть, как мчится дикая орда. Иной год случается мне хватиться некоторых прошлогодних путешественников, зато прибавляется обыкновенно и несколько новых. Нынешний же год я прозевал зрелище, катясь вместе с валунами через миллионы лет. Я видел, как они отрывались от скал севера, скатывались вниз, плавали на льдинах задолго до построения Ноева ковчега, падали в воду, погружались на дно и вновь подымались на поверхность вместе с песчаной отмелью, которая говорила: "Здесь будет Зеландия!" Я видел, как эти камни служили сидалищем для неизвестных нам пород птиц, тронем для предводителей диких дружин, имен которых мы тоже не знаем; видел, наконец, как на некоторых из камней вырубил топором рунические знаки. Этим камням, таким образом, отведено место в счислении времени, зато сам я окончательно потерял всякое представление о времени, превратился в нуль... В это время с неба упали три–четыре прелестные звездочки, и мысли мои приняли другой оборот. Вы знаете, что такое падающие звезды? Ученые ведь этого не знают! Я смотрю на них по–своему.

Как часто посылают люди тайное, немое спасибо человеку, совершившему нечто прекрасное, доброе; спасибо это беззвучно, но оно не пропадает даром. По–моему, это молчаливое, тайное спасибо подхватывается солнечным лучом, который затем и возлагает его на голову благодетеля. Если же случается, что целый народ посылает такое спасибо давно умершему благодетелю, с неба падает на его могилу яркий букет – звездочка. И мне доставляет истинное удовольствие угадывать, особенно в ночь под Новый год, кому назначается этот благодарственный букет. В последний раз звезда упала на юго–западный берег; это было спасибо многим, многим! Кому же именно? По–моему, звезда, наверное, упала на крутой берег Фленсбургского залива, где веет Данеброг над могилами Шлэппегреля, Лэссе (Датские офицеры, павшие геройской смертью в первую датско–прусскую войну (1848 – 1850) – Примеч. перев.) и их товарищей. Потом раз я видел, как скатилась звезда в самую середину страны – в Сорё, на могилу Гольберга. Это было спасибо от многих читателей его дивных комедий!

И что за великая, радостная мысль – сознать, что на твою могилу скатится такая звездочка!.. На мою–то не упадет ни одна, ни один солнечный луч не принесет мне спасибо – не за что! Мне не удалось добиться глянец–ваксы; моя судьба – довольствоваться простой смазкой.

Посещение второе

В первый день Нового года я поднялся на колокольню, и Оле заговорил о тостах, которые осушаются по случаю перехода от старой "канители" – как он назвал год – к новой. Тут я услышал от него историю о бокалах, и в ней была недурная мысль.

– Едва часы в ночь под Новый год пробьют двенадцать, люди встают с мест с полными бокалами в руках и пьют за здоровье Нового года. Год начинают с бокалами в руках – недурное начало для пьяниц! Начинают год тем, что ложатся спать, – хорошее начало для лентяев! И сон, и бокалы действительно играют в течение года немалую роль! А знаете вы, что в бокалах? – спросил меня Оле. – В них здоровье, радость и веселье! Но в них же и злополучие, и величайшие несчастья! Считая бокалы, я, конечно, подразумеваю степени опьянения.

Вот первый бокал, бокал здоровья! В нем растет цветок здоровья; посади его в своем доме – и к концу года будешь сидеть в беседке здоровья!

Возьмете второй бокал – из него вылетает птичка; она невинно–радостно щебечет; человек прислушивается и невольно подпевает ей: "Жизнь прекрасна! Не надо вешать носа! Смело вперед!"

Из третьего бокала вылетает маленькое крылатое существо; ангелочком его назвать нельзя – он из породы домовых, но не издевается, а только шутит. Он прильнет к уху человека и начнет нашепывать забавные выдумки, уляжется у его сердца и так согревает его, что человеку хочется шалить и острить, и он действительно становится остряком, по мнению других таких же остряков.

В четвертом бокале нет ни цветка, ни птички, ни крылатого шалуна; в нем черта, проводимая разумом, и за нее никогда не следует переходить.

Если же возьмешь пятый бокал, заплачешь над самим собою, расстрогаешься или, наоборот, расшумишься: из бокала выскочит с треском принц Карнавал, невоздержанный на язык, шальной!.. Он увлечет тебя, ты забудешь свое достоинство – если оно у тебя есть! Забудешь многое, больше чем можешь и смеешь. Пляска, пение, звон бокалов!.. Маски увлекают тебя в бешеный вихрь... Перед тобой дочери сатаны в газе и шелке, с распущенными волосами, стройные, красивые... Оторвись от них, коли сможешь!

Шестой бокал!.. В нем уж сидит сам сатана, прекрасно одетый, красноречивый, привлекательный, в высшей степени приятный человек! Он вполне понимает тебя, находит, что ты прав всегда и во всем, он – твое второе "я"; он является с фонарем, чтобы проводить тебя восвояси. Да, в одной старой легенде рассказывается о святом, который должен был выбрать один из семи смертных грехов и выбрал, как ему казалось, наименьший – пьянство, но благодаря ему впал и во все остальные. В шестом бокале кровь сатаны, смешанная с человеческой. Только выпей его – все дурные семена, что прячутся в твоей душе, пустят ростки и каждое разрастется, подобно евангельскому горчичному зерну, в целое дерево, которое может покрыть своей тенью весь свет. Большинству людей остается после этого только отправиться в переплавку!

Вот вам история бокалов! – заключил Оле. – Ее можно подавать под соусом и из глянец–ваксы, и из простой смазки. Я подаю ее под обоими.

Это было мое второе посещение Оле; захочешь послушать еще, придется продолжать посещения (Семь лет спустя (1868 г.) автор и написал такое продолжение под названием "День переезда"; сказка эта будет помещена в "Собрании" на своем месте. – Примеч. перев.).

Другие сказки Андерсена